
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

COUNTERACTION TO CERTAIN TYPES OF CRIME

УДК 343.85
DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(1).30-37

КОНЦЕПЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ С УЧЕТОМ ОПЫТА БОРЬБЫ ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА

С.М. Кочои

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва,
Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
12 июля 2019 г.

Дата принятия в печать
10 февраля 2020 г.

Дата онлайн-размещения
28 февраля 2020 г.

Ключевые слова

Терроризм; религиозный терроризм;
Концепция противодействия
терроризму; экстремизм;
дерадикализация; психологическая
реабилитация; международные
террористические организации;
«Исламское государство»; геноцид;
езиды

Финансирование

Государственное задание на
выполнение НИР в рамках базовой
части проекта № 29.4916.2017/8.9
«Уголовно-правовая политика
противодействия терроризму:
генезис, состояние и перспективы»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, нужна ли новая редакция Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, с учетом опыта борьбы против международной террористической организации «Исламское государство». На этот вопрос автором статьи на основании проведенного им исследования дается утвердительный ответ. В работе проанализированы основные меры по предупреждению терроризма (религиозного терроризма), главное внимание уделено информационным мерам. Сделан вывод о том, что «разъяснение сущности терроризма» (как мера, предусмотренная Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации) невозможно без постоянного и полного информирования общественности о преступлениях (геноцида, против мира и безопасности человечества, военных преступлениях), совершенных террористами, и их осуждения. В первую очередь такую работу следует проводить среди групп населения (этнических и конфессиональных), вовлечения которых в терроризм добиваются международные террористические организации, прикрывающиеся религией.

THE CONCEPT OF COUNTERACTING TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROSPECTS FOR IMPROVEMENT USING THE EXPERIENCE OF FIGHTING AGAINST RELIGIOUS TERRORISM

Samvel M. Kochoi

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2019 July 12

Accepted
2020 February 10

Available online
2020 February 28

Keywords

Terrorism; religious terrorism; Terrorism
Counteraction Concept; extremism;
de-radicalization; psychological
rehabilitation; international terrorist

Abstract. The article analyzes the necessity of amending the current Terrorism Counteraction Concept and of incorporating in it the experience of fighting against the international terrorist organization «The Islamic State». The author gives a positive answer to this question based on the research he has conducted. The article analyzes key measures of preventing terrorism (religious terrorism), while considerable attention is paid to information measures. It is concluded that «clarification of the essence of terrorism» (as a measure included in the Terrorism Counteraction Concept of the Russian Federation) is impossible without providing the society with stable and comprehensive information about the crimes (genocide, crimes against peace and security of humankind, war crimes) committed by terrorists and without condemning them. This work should be primarily aimed at those groups of people (ethnic and confessional) who are the main target for international terrorist organizations trying to recruit new terrorists under the guise of religion.

© Кочои С.М., 2020

organization; «The Islamic State»;
genocide; the Yazidis

Acknowledgements

The state task for research
within the basic part of Project
№ 29.4916.2017/8.9 «Criminal Law
Policy of Counteracting Terrorism:
Genesis, Condition and Prospects»

Борьба против терроризма (религиозного терроризма) должна вестись не только на поле боя. Не менее значимой является поддержка жертв терроризма, что в итоге должно стать важной составляющей глобальной борьбы против международного терроризма в целом. Поэтому, говоря о различных формах противодействия терроризму, нельзя не сказать о программах помощи жертвам сексуального насилия и рабства, которые были разработаны и реализованы за рубежом. Речь идет о психологической и медицинской реабилитации женщин и девушек, похищенных и затем обращенных террористами в рабство.

События, связанные с реализацией инициативы по возвращению в Россию жен и детей террористов, находившихся в тюрьмах Ирака и Сирии, ставят важный вопрос о разработке программы дерадикализации этих лиц, поскольку многие из них, как свидетельствуют исследования западных специалистов, не отказались от идеологии ненависти и вражды.

Предлагается положения о программах дерадикализации, психологической реабилитации, официальном признании и осуждении органами государственной власти РФ преступлений террористов, в частности геноцида, закреплять непосредственно в Концепции противодействия терроризму в РФ.

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (далее — Концепция), утвержденная Президентом РФ 5 октября 2009 г., составляет, наряду с другими нормативно-правовыми актами, прежде всего федеральным законом «О противодействии терроризму», правовую основу общегосударственной системы противодействия одной из самых опасных угроз национальной безопасности — терроризму. Данный документ «определяет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации» [1, с. 14; 2].

Как отмечается в литературе, эффективность важных, но в то же время отражающих только отдельные направления борьбы с преступностью «политических документов могла быть выше, если бы они базировались на общей национальной концепции борьбы с преступностью» [3; 4]. С другой стороны, в литературе обращено внимание на то, что Концепция противодействия терроризму «по предмету правового регулирования значительным образом пересекается с Концепцией общественной безопасности, поскольку последняя в качестве основных угроз безопасности общества называет именно терроризм» [5]. Наряду с этим следует признать, что детальный, в том числе критический, анализ Концепции, в отличие от других документов, образующих нормативно-правовую основу противодействия терроризму в РФ [6], в отечественной уголовно-правовой литературе фактически отсутствует. Предпринимая попытку восполнить этот пробел, мы бы хотели напомнить, что рассматриваемый документ появился задолго до вступления РФ (2015 г.) в войну против могущественной международной террористической организации «Исламское государство» (или «Исламское государство Ирака и Леванта») (далее — ИГ, ИГИЛ¹) на территории Сирийской Арабской Республики. Нельзя не согласиться с тем, что «мировому сообществу следует осознать, что война с международным терроризмом — это долгосрочный перманентный процесс» [7]. По нашему мнению, Концепция не может не учитывать опыт противодействия данной организации со стороны РФ, а также иных государств, борющихся с угрозой терроризма в целом и религиозного (этнорелигиозного) терроризма в особенности. Как отмечает А.Г. Волеводз, «правовая база противодействия терроризму должна соответствовать его новым вызовам и угрозам, а по возможности и опережать» [8].

Итак, какие положения Концепции нуждаются в уточнении и какими положениями она

¹ Организация запрещена в России.

могла бы быть дополнена? Среди основных тенденций современного терроризма Концепция выделяет «использование международными террористическими организациями этно-религиозного фактора» (п. «б» ст. 1), а среди основных внешних факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма в РФ, — «наличие в иностранных государствах лагерей подготовки боевиков для международных террористических и экстремистских организаций, в том числе антироссийской направленности, а также теологических учебных заведений, распространяющих идеологию религиозного экстремизма» (п. «в» ст. 4). С указанными факторами связывают, в частности, рост числа обращенных в новую веру на Северном Кавказе лиц. Как заявил полпред Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе, «у нас есть несколько тревожных факторов. Первое — это у нас увеличивается количество неопитов. Неплохо, когда люди принимают веру, но нам важно, для чего они это сделали, истинные у них чувства или нет». В свою очередь, начальник ГУ МВД России по СКФО объявил, что «за первое полугодие текущего года было зафиксировано более тысячи неопитов». По его словам, «новообращенные этой категории становятся наиболее мотивированными и фанатично настроенными сторонниками экстремистских и террористических идеологий». «Влияние духовных лидеров, имамов и священников очень важно, потому что нам надо понимать, какие мотивы у людей, которые в той или иной ситуации принимают решение и от истинных, правильных системных позиций уходят на несистемные вопросы», — добавил он. В связи с такой ситуацией МВД РФ намерено проверить, «что проповедуют в местных мечетях имамы, которые получали образование в других странах. В частности, это касается тех, кто получил теологическое образование в Сирии, Египте, Иране и Саудовской Аравии. Полиции... необходимо знать, к чему они призывают и придерживаются ли основ традиционного ислама»².

Примечательно, что на эту же проблему указывают зарубежные специалисты. Так, по оценкам американских криминологов, «ислам превратился в самую быстрорастущую религию среди заключенных западных стран» [9]. После террористических атак 11 сентября 2001 г.,

например, в тюрьмах США в ислам перешло 240 тыс. заключенных. Эти люди, по данным федеральных правоохранительных служб, при поддержке священнослужителей-ваххабитов из Саудовской Аравии использовались для вербовки террористов и в целом для занятия терроризмом. В Западной Европе также предупреждают, что «тюрьмы часто способствуют распространению исламистской идеологии, предоставляя заключенным платформу для создания альянсов, обмена опытом и вербовки потенциальных нападавших» [10–12].

В Российской Федерации созданы разные правовые основания противодействия терроризму и экстремизму, соответственно, анализируемая Концепция должна их четко разграничивать. Хотя в РФ нет Концепции противодействия экстремизму, однако имеются Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Президентом РФ 28 ноября 2014 г., и федеральный закон «О противодействии экстремизму», которые эти понятия разграничивают. В соответствии с п. 13 Стратегии противодействия экстремизму, «крайним проявлением экстремизма является терроризм, который основывается на экстремистской идеологии». Согласно федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности», экстремистская деятельность включает террористическую деятельность (ст. 1, п. 1) [13]. Несмотря на приведенные положения, рассматриваемые понятия, как нам представляется, требуют дифференцированного подхода. Подобное разграничение имеет место в законодательстве большинства государств. Например, Национальный план действий Министерства внутренних дел Финляндии по предотвращению насильственного экстремизма начинается с четкого разграничения, что терроризм всегда является насильственным экстремизмом, но не весь насильственный экстремизм — это терроризм [14, с. 138]. Исходя из изложенного выше, как мы полагаем, в п. «в» ст. 4 Концепции *правильнее говорить об идеологии религиозного терроризма, а не религиозного экстремизма*.

К основным мерам по предупреждению терроризма Концепция (п. «г» ст. 21) относит информационные, а именно «разъяснение сущности терроризма и его общественной опасности, формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, а также привлечение граждан к участию в противодействии терроризму». Указанные меры должны противодействовать

² На Северном Кавказе обеспокоились из-за числа обращенных в ислам. URL: <https://news.mail.ru/society/34876467>.

распространению идеологии терроризма, развевать миф о террористах и терроризме [15, с. 14]. Однако информационные меры предупреждения терроризма не должны включать лишённые конкретики предложения (вроде призывов к «ведению активной информационно-просветительской работы среди граждан с изобличением деструктивных установок террористической и экстремистской идеологии» [16]). В литературе справедливо отмечается, что «идеологическое обеспечение будет эффективнее при активном освещении успехов правоохранительных органов в предупреждении и пресечении терроризма, обсуждении последствий терроризма на уровне журналистских расследований и авторских программ, а также доведении до населения сведений о судебных решениях по уголовным делам, связанным с террористической деятельностью» [17].

С нашей точки зрения, процитированная норма Концепции нуждается в уточнении. Как нам представляется, разъяснение сущности терроризма (религиозного терроризма) невозможно без перманентного и полного информирования общественности о преступлениях, совершаемых террористами, и их осуждения. В первую очередь такую работу следует проводить среди групп населения (этнических и конфессиональных), вовлечения которых в терроризм добиваются международные террористические организации, использующие религию. В частности, речь идет о преступлениях геноцида и против мира и безопасности человечества, а также военных преступлениях. Так, в начале августа 2014 г. боевики международной террористической организации «Исламское государство» на севере Ирака вторглись в округ Синджар, населенный народом, не исповедующим ислам, — езидами, где начали уничтожать мужское население и забирать в сексуальное рабство женщин. В общей сложности за несколько дней исламистами было убито 10 тыс. и похищено 6 400 езидов. Лишь благодаря авиаударам США и западной коалиции удалось предотвратить полное истребление почти миллионной езидской общины Ирака [18]. Данное преступление террористов многими авторитетными международными организациями квалифицировано как геноцид. В частности, 16 июня 2016 г. в Женеве в рамках 32-й сессии Совета по правам человека был опубликован доклад Международной независимой комиссии ООН по расследованию

в Сирийской Арабской Республике (далее — Комиссии ООН) под названием «Они пришли, чтобы уничтожить: преступления ИГИЛ против езидов»³. Как заявлено в докладе, Комиссия ООН пришла к выводу, что ИГ «совершало преступления геноцида, а также многочисленные преступления против человечности и военные преступления в отношении езидов, тысячи из которых находятся в плену в Сирии, где они подвергаются неимоверным ужасам». По итогам своей работы Комиссия ООН призвала Совет Безопасности ООН срочно передать рассмотрение ситуации (совершения преступления геноцида) в Сирии в Международный уголовный суд или установить специальный трибунал с соответствующей географической и временной юрисдикцией.

Другой важной рекомендацией Комиссии ООН следует считать обращение к мировому сообществу с призывом «признать геноцид езидов и приложить более действенные усилия для их спасения». К сегодняшнему дню данный призыв выполнен некоторыми международными организациями и парламентами ряда государств: Европарламентом⁴, палатой представителей конгресса США⁵, сенатом Франции⁶, парламентом Австралии⁷, Национальным собранием Армении⁸, палатой общин Великобритании и др.

³ They Came to Destroy: ISIS Crimes Against the Yazidis. URL: http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/ColSyria/A_HRC_32_CRP.2_en.pdf.

⁴ URL: <https://www.europarl.europa.eu/portal/en>.

⁵ An Act to Provide Emergency Relief for Victims of Genocide, Crimes Against Humanity, and War Crimes in Iraq and Syria, for Accountability for Perpetrators of These Crimes, and for other Purposes. URL: <http://ezidi-kongress.ru/wp-content/uploads/2017/07/.pdf>.

⁶ Proposition de Résolution Invitant le Gouvernement à Saisir le Conseil de Sécurité de l'Organisation des Nations Unies en vue de Reconnaître le Génocide Perpétré par Daech contre les Populations Chrétiennes, Yézidiées et d'autres Minorités Religieuses en Syrie et en Irak et de Donner Compétence à la Cour Pénale Internationale en vue de Poursuivre les Criminels. URL: <http://ezidi-kongress.ru/wp-content/uploads/2017/07/pion3779.pdf>.

⁷ The Pain of Hearing: Australia's Parliament recognises Yazidi Genocide. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/pain-hearing-australia-parliament-recognises-yazidi-genocide>.

⁸ Armenian Parliament Recognizes Yazidi Genocide. URL: https://armenpress.am/eng/news/919052/armenian-parliament-recognizes-yazidi-genocide.html?fbclid=IwAR3QhXLXeUPvqW4EvF8x0l_qeLdSc8izGC3QIQ_YFrLrKCLcCcE6RTLcFNQ.

Обеспокоенные многочисленными фактами присоединения собственных граждан к исламистам, правительства многих государств стали уделять первоочередное внимание мерам их профилактики, в том числе виктимологическим. В некоторых странах были организованы встречи, в том числе в средствах массовой информации, с главными жертвами преступлений исламистов — езидскими женщинами, истории которых о похищениях, пребывании в сексуальном рабстве и убийствах их родных сыграли важную роль в предупреждении вовлечения в ряды террористов новых людей, особенно из числа молодых мусульман. Последним езидские женщины и девочки открывали глаза на те порядки, которые приверженцы «чистого» ислама установили в населенных езидами районах Ирака и Сирии и хотели бы установить во всем мусульманском мире. Указанные встречи сильно повлияли не только на настроения общественности, но и на позицию властей названных выше государств, парламенты которых своими специальными актами признали преступления против езидов как геноцид и осудили его.

Что касается России, то ее парламент официально не признал и не осудил геноцид езидов, хотя предложение об этом Общероссийская общественная организация «Езидский конгресс» направляла всем фракциям и председателю Государственной Думы Федерального Собрания РФ⁹. Кроме того, ни одна из езидских активисток, фактически организовавших на Западе информационную войну против исламистских террористов, так и не была приглашена в Россию для встреч, в частности, с российской молодежью, представители которой в разные годы пополняли ряды террористов в Сирии и Ираке¹⁰. Не была приглашена также Надия Мурад, лауреат Нобелевской премии мира 2018 г. Примечательно, что встречи Надии Мурад проходили не только на Западе, но и в мусульманских странах, правители которых, как передавали местные СМИ, слушали ее историю рабства и борьбы против ИГ со слезами на глазах¹¹.

⁹ URL: <http://ezidi-kongress.ru>.

¹⁰ Сбежавшую к ИГ студентку МГУ вызвали на допрос в СК: эксклюзив HTB. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1556743>.

¹¹ В 2018 г. в Москве в переводе на русский язык была издана книга Надии Мурад «Последняя девушка. История моего плена и мое сражение с «Исламским государством». По нашему мнению, эта книга могла бы

Говоря о различных формах противодействия терроризму, нельзя не сказать о государственных программах помощи женщинам — жертвам насилия и рабства, которые были разработаны и реализованы вначале в ФРГ (федеральная земля Баден-Вюртенберг)¹², а затем и во Франции¹³. Речь идет о психологической и медицинской реабилитации женщин и девушек, похищенных террористами и проданных в сексуальное рабство. Некоторые из них, не выдержав оскорблений и унижения, покончили жизнь самоубийством, другие стали психически больными людьми. В Германии (федеральная земля Баден-Вюртенберг) реализацию специальной программы возглавил профессор Кооперативного государственного университета в Швеннингене доктор психологии Ян Кизилхан. По этой программе правительство федеральной земли приняло тысячу жертв террористических атак, включая Надию Мурад, будущего лауреата Нобелевской премии мира. Такая же программа в 2019 г. принята в федеральной земле Бранденбург. В ее рамках реабилитацию и лечение пройдут 60 езидских женщин и детей¹⁴.

По нашему мнению, было бы желательно реализовать программу психологической и медицинской реабилитации жертв терроризма (религиозного терроризма) также и в России, тем более что участвовавшие в «джихаде» против них российские исламисты несут не меньшую ответственность за совершенные на территории Сирии и Ирака преступления, чем их французские или германские «коллеги».

Необходимо сказать, что в России еще в 2007 г. было принято ныне действующее поста-

быть использована российскими учебными заведениями в антитеррористическом просвещении молодежи.

¹² Keine Chance für Gewalt und Terror. URL: <https://www.schwarzwaelder-bote.de/inhalt.villingen-schwenningen-keine-chance-fuer-gewalt-und-terror.dd64fbfa-9a76-4769-a49a-8a339cea2f36.html?fbclid=IwAR3NOjHmFz6Yt1V6AhiQ5rfDgVfAAG9TZDTkoVdsmRqmE8cz1inPwr7p2B0>.

¹³ France Welcomes Yazidi Women and Children Fleeing IS Group. URL: <https://www.france24.com/en/video/20181221-france-welcomes-yazidi-women-children-fleeing-group>.

¹⁴ Nach Brandenburg kommen erste Jesidinnen aus dem Nordirak. URL: https://www.morgenpost.de/berlin/article216659413/Nach-Brandenburg-kommen-erste-Jesidinnen-aus-dem-Nordirak.html?utm_source=Facebook&utm_medium=Social&utm_campaign=share&__pwh=BPW9x8zw8xJgCCJI6w7xw%3D%3D&fbclid=IwAR1qX3J-kX73I5gJqBY6J_R9bSnH9PEUJDpna_cv4kphTZow-sc75u582dkc.

новление Правительства РФ «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом» от 12 января 2007 г. № 6 (в ред. от 25 марта 2013 г.). Данный документ, как следует из его названия (и содержания), ставит знак равенства между жертвами терроризма и лицами, борющимися с терроризмом. Такой документ, по нашему мнению, нельзя рассматривать как элемент деятельности по предупреждению терроризма. Согласимся с П.А. Кабановым в том, что для виктимологического предупреждения терроризма одной из наиболее важных теоретических и прикладных задач является «разработка и законодательное закрепление правовых основ предоставления и оказания достаточной социальной, психологической, правовой, медицинской, материальной либо иной помощи жертвам терроризма или террористической деятельности на региональном и муниципальном уровнях, а также виктимологической реабилитации жертв терроризма или террористической деятельности» [19, с. 16]. Такая программа должна дифференцированно подходить к жертвам совершенных членами террористических организаций в отношении женщин и детей преступлений, в частности геноцида, изнасилований, похищений, обращения в рабство, работорговли.

События, связанные с реализацией инициативы главы Чечни Р. Кадырова по возвращению в Россию (преимущественно в республики Северного Кавказа) жен и детей террористов, находившихся в тюрьмах Ирака и Сирии¹⁵, ставят важный вопрос о разработке программы дерадикализации (или реинтеграции) этих лиц. Стоит отметить, что данная проблема в целом менее актуальна для западных государств, поскольку большая их часть отказалась принимать террористов обратно. Так, министр внутренних дел Франции Кристоф Кастанер подтвердил, что никакой государственной программы возвращения «сирийских беглецов» не существует, и если кто-нибудь из них вернется на свой страх и риск, то при пересечении границы окажется в тюрьме. Французская юстиция поддерживает принцип, в соответствии с которым преступники должны быть судимы за свои преступления именно там, где они их совершили. Интересно,

что решение французских властей оставить своих граждан там, куда они добровольно отправились с преступной целью, встретило одобрение французов. По данным опроса Odoxa Dentsu consulting, 82 % согласны с тем, что джихадистов надо судить в Ираке¹⁶.

Иного мнения придерживается президент США. «Наши европейские союзники должны забрать себе более 800 боевиков, которых мы захватили в Сирии, и предать суду, — заявил Д. Трамп по традиции через свою страницу в Twitter. — Альтернатива не очень хорошая и состоит в том, что мы вынуждены будем их отпустить».

По данным ООН, после распада ИГ в Сирии и Ираке было задержано более 55 тыс. подозреваемых террористов и членов их семей. В число задержанных входят также предполагаемые иностранные боевики из почти 50 стран и более 11 тыс. подозреваемых членов семей иностранных боевиков ИГ, которые содержатся в лагере «Аль-Холь» на северо-востоке Сирии. По оценкам UNICEF, в Сирии насчитывается 29 тыс. детей иностранных боевиков, из которых 20 тыс. — из Ирака, причем большинство — в возрасте до 12 лет¹⁷.

Как показывают многочисленные свидетельства, жены террористов и их дети не порвали с идеологией своих мужей и отцов, стало быть, представляют собой потенциальную угрозу общественной безопасности как в мире в целом¹⁸, так и в России. Например, в интервью журналистам одна из жен террористов, оправдывая их преступления, прямо заявила, что не было на территории «халифата» никаких изнасилований похищенных террористами женщин и девушек немусульманского вероисповедания, поскольку последние, как гласит Коран, являются собственностью правоверных «и ими можно распоряжаться как своим имуществом»¹⁹.

¹⁶ Французских джихадистов только за смертью посылать. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3902492?fbclid=IwAR1A3Sc0UPkyGojtl6oN3D_ff6DLGg9x6ai_xSpjir-mXGvmiGcwimTiVc.

¹⁷ 41st Session of the Human Rights Council Opening Statement by UN High Commissioner for Human Rights Michelle Bachelet. URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24724&LangID=E>.

¹⁸ ООН: главная угроза сегодня — иностранные боевики ИГИЛ, возвращающиеся домой. URL: https://news.un.org/ru/story/2018/08/1336802?fbclid=IwAR0Xa_1k7Qbusw-cBhfrbXVlbfZOUY_Cj1KBTPp8r7NU-WUzQuG0t0Gxc.

¹⁹ 'It's not Rape in Islam': ISIS 'Wife' Defends Jihadist Sexual Assault and Murder of Yazidi Women Because it is 'Allowed in the Quran' as the Last Remaining Fight-

¹⁵ Вернувшихся из Ирака россиянок освободят от уголовной ответственности. URL: <https://ria.ru/20170902/1501615820.html>.

Также в социальных сетях активно обсуждается короткое видео с юным «львенком халифата» в лагере «Аль-Холь», который на вопрос корреспондента о том, кем он хочет быть, твердо отвечает: «Моджахедом», т.е. «бойцом за веру». «От моджахеда родится моджахед», — с гордостью заявляет его мать в том же видео. «Не бойтесь тех, кого вы держите в тюрьме, — говорит корреспонденту еще одна из «жен ИГИЛ». — Бойтесь нового поколения»²⁰.

Следует сказать, что вопрос о возвращении жен и детей террористов обсуждается также среди российских специалистов. Например, российский исламовед Р. Силантьев указывает, что «реабилитация бывших боевиков редко возвращает их к нормальной жизни на деле, а не на словах». «Даже у наркомана больше шансов, чем у джихадиста», — добавляет эксперт. «В России есть прецеденты, когда возвращают жен боевиков», — говорит эксперт по религиозному

ers face Being Pushed from their Final Stronghold. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-6792049/ISIS-wife-defends-jihadis-rape-murder-Yazidi-women-allowed-Quran.html?fbclid=IwAR301uU_HSED2BJOqERgGT19hpRnZS33JWUvak8cc1NDVh6jn3fCB0-5Lhs#v-4364152080621089967.

²⁰ В ООН потребовали «судить или отпустить» тысячи террористов ИГИЛ в Сирии и Ираке. URL: <https://riafan.ru/1190859-v-oon-potrebovali-sudit-ili-otpustit-tysyachi-terroristov-igil-v-sirii-i-irake>.

экстремизму Р. Сулейманова. И резонно отмечает: «Не очень понимаю, зачем это делают»²¹.

Приведенные мнения российских экспертов подтверждают исследования западных и израильских специалистов. Так, по утверждению израильских ученых, уровень рецидива среди преступников, совершающих преступления террористической направленности, выше, чем среди обычных преступников. При этом «рецидив преступлений, связанных с новым террористическим преступлением, растет с увеличением числа предыдущих тюремных заключений, связанных с терроризмом, и уменьшается с увеличением числа повторных тюремных заключений за обычные уголовные преступления» [20].

Полагаем, все эти положения (о программах дерадикализации членов семей террористов, психологической реабилитации жертв терроризма, признании и осуждении Государственной Думой Федерального Собрания РФ преступлений террористов против мира и безопасности) следует непосредственно закреплять в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации.

²¹ «Понять и простить!». Боевики ИГ рассказывают сказки, чтобы вернуться домой. URL: https://ria.ru/20190305/1551543586.html?fbclid=IwAR20Eme5WafJ3GH0_APmXO-QVA1JusbkxAG90_LzgJgrP_oReJrV3CCVOU.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сухаренко А. В ответе за теракт / А. Сухаренко // ЭЖ-Юрист. — 2013. — № 45.
2. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина [и др.] ; отв. ред. В.П. Кашепов. — Москва : КОНТРАКТ, 2018. — 280 с.
3. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. — Москва : Статут, 2012. — 879 с.
4. Кузнецов А.П. Правовое регламентирование формирования единого антитеррористического пространства в международных актах и российском законодательстве / А.П. Кузнецов // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2015. — № 4. — С. 3–6.
5. Горохова С.С. Безопасность как правовая категория / С.С. Горохова // Современный юрист. — 2016. — № 4. — С. 8–14.
6. Макаров А.В. Противодействие терроризму: анализ нормативно-правового регулирования и вопросы его совершенствования / А.В. Макаров, А.С. Жукова // Российский следователь. — 2012. — № 12. — С. 34–37.
7. Hoffman B. Inside Terrorism / B. Hoffman. — New York : Columbia Univ. Press, 2006. — 456 p.
8. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие деятельности иностранных боевиков-террористов / А.Г. Волеводз // Уголовное право. — 2016. — № 6. — С. 18–26.
9. Hamm M.S. Prison Islam in the Age of Sacred Terror / M.S. Hamm // The British Journal of Criminology. — 2009. — № 49 (5). — P. 667–685.
10. Rushchenko J. Terrorist Recruitment and Prison Radicalization: Assessing the UK Experiment of 'Separation Centres' / J. Rushchenko // European Journal of Criminology. — 2019. — Vol. 16, iss. 3. — P. 295–314.
11. Argomaniz J. Jihadism and Crime in Spain: A Convergence Settings Approach / J. Argomaniz, R. Bermejo // European Journal of Criminology. — 2019. — Vol. 16, iss. 3. — P. 351–368.
12. LaFree G. Prison and Violent Political Extremism in the United States / G. LaFree, B. Jiang, L.C. Porte // Journal of Quantitative Criminology. — 2019. — Vol. 35, iss. 1. — P. 1–26.
13. Кочои С.М. О противодействии экстремизму / С.М. Кочои // Уголовное право. — 2006. — № 2. — С. 103–106.
14. Вирккунен Й. Миграция, экстремизм и террористическая угроза в Финляндии / Й. Вирккунен, Г. Гаджимурадова // Современная Европа. — 2018. — № 5. — С. 131–141.
15. Сухаренко А. Терроризму нет оправдания! / А. Сухаренко // ЭЖ-Юрист. — 2013. — № 23.

16. Тесленко Е.С. Феномен «ИГИЛ» / Е.С. Тесленко, Н.Н. Пеструилова // Виктимология. — 2015. — № 1 (3). — С. 34–39.
17. Мальков С.М. Модель противодействия терроризму в Российской Федерации: современное состояние, недостатки, пути совершенствования / С.М. Мальков // Современное право. — 2018. — № 9. — С. 111–115.
18. Кочои С.М. «Исламское государство»: от терроризма к геноциду / С.М. Кочои // Журнал российского права. — 2014. — № 12 (216). — С. 61–72.
19. Кабанов П.А. Виктимология терроризма: вопросы формирования и развития / П.А. Кабанов // Виктимология. — 2016. — № 4 (10). — С. 12–22.
20. Crime and Terror: Examining Criminal Risk Factors for Terrorist Recidivism / B. Hasisi, T. Carmel, D. Weisburd, M. Wolfowicz // Journal of Quantitative Criminology. — 2019. — 26 June. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10940-019-09415-y>.

REFERENCES

1. Sukharenko A. Responsible for the Attack. *EZh-Yurist = EJ-Jurist*, 2013, no. 45. (In Russian).
2. Vlasov I.S., Golovanova N.A., Gravina A.A., Koshaeva T.O., Minyazeva T.F., Pechegin D.A.; Kashepov V.P. (ed.). Criminalization and Decriminalization as Forms of Transformation of Criminal Legislation. Moscow, KONTRAKT Publ., 2018. 280 p.
3. Komissarov V.S., Krylova N.E., Tyazhkova I.M. (eds.). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [The Criminal Law of the Russian Federation. The General Part]. Moscow, Statut Publ., 2012. 879 p.
4. Kuznetsov A.P. Legal Regulation of Formation of the Uniform Antiterrorism Space in International Acts and Russian Legislation. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2015, no. 4, pp. 3–6. (In Russian).
5. Gorokhova S.S. Security as a Legal Category. *Sovremennyyi yurist = Modern Lawyer*, 2016, no. 4, pp. 8–14. (In Russian).
6. Makarov A.V., Zhukova A.S. Counteracting terrorism: an analysis of normative legal regulation and the issues of its improvement. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 12, pp. 34–37. (In Russian).
7. Hoffman B. *Inside Terrorism*. New York, Columbia University Press. 2006. 456 p.
8. Volevodz A.G. Fight against Activities of Foreign Terrorists in Criminal Law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 6, pp. 18–26. (In Russian).
9. Hamm M.S. Prison Islam in the Age of Sacred Terror. *The British Journal of Criminology*, 2009, no. 49 (5), pp. 667–685.
10. Rushchenko J. Terrorist Recruitment and Prison Radicalization: Assessing the UK Experiment of 'Separation Centres'. *European Journal of Criminology*, 2019, vol. 16, iss. 3, pp. 295–314.
11. Argomaniz J., Bermejo R. Jihadism and Crime in Spain: A Convergence Settings Approach. *European Journal of Criminology*, 2019, vol. 16, iss. 3, pp. 351–368.
12. LaFree G., Jiang B., Porte L.C. Prison and Violent Political Extremism in the United States. *Journal of Quantitative Criminology*, 2019, vol. 35, iss. 1, pp. 1–26.
13. Kochoi S.M. On the Counteraction to Extremism. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2006, no. 2, pp. 103–106. (In Russian).
14. Virkkunen I., Gadzhimuradova G. Migration, Extremism and Terrorist Threat in Finland. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*, 2018, no. 5, pp. 131–141. (In Russian).
15. Sukharenko A. There is no justification for terrorism! *EZh-Yurist = EJ-Jurist*, 2013, no. 23. (In Russian).
16. Teslenko E.S., Pestruilova N.N. Phenomenon of «ISIS». *Viktimologiya = Victimology*, 2015, no. 1 (3), pp. 34–39. (In Russian).
17. Malkov S.M. Counterterrorism Model in the Russian Federation: Current Status, Shortcomings, Ways for Improvement. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2018, no. 9, pp. 111–115. (In Russian).
18. Kochoi S.M. «The Islamic State»: from Terrorism to Genocide. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2014, no. 12 (216), pp. 61–72. (In Russian).
19. Kabanov P.A. Victimology Terrorism: Issues of Formation and Development. *Viktimologiya = Victimology*, 2016, no. 4 (10), pp. 12–22. (In Russian).
20. Hasisi B., Carmel T., Weisburd D., Wolfowicz M. Crime and Terror: Examining Criminal Risk Factors for Terrorist Recidivism. *Journal of Quantitative Criminology*, 2019, 26 June. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10940-019-09415-y>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кочои Самвел Мамадович — профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник юстиции России, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кочои С.М. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: перспективы совершенствования с учетом опыта борьбы против религиозного терроризма / С.М. Кочои. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).30-37 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 1. — С. 30–37.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kochoi, Samvel M. — Professor, Chair of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Russian Higher Education, Honorary Worker of Russian Justice, Moscow, the Russian Federation; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

FOR CITATION

Kochoi S.M. The concept of counteracting terrorism in the Russian Federation: prospects for improvement using the experience of fighting against religious terrorism. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 30–37. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).30-37. (In Russian).